На правах рукописи

Царегородцева Светлана Сергеевна

РОМАН Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2005

Работа выполнена на кафедре общего литературоведения
Томского государственного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
Профессор Александр Петрович Казаркин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Борис Анатольевич Чмыхало
кандидат филологических наук,
доцент Татьяна Георгиевна Черняева

Ведущая организация - Тверской государственный университет

Защита состоится «19» мая 2005 г. в 15 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05. при Томском государственном университете по адресу: 634050, г.Томск, пр.Ленина,36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «18» апреля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
профессор Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Обращение к роману Георгия Гребенщикова «Чураевы» актуально в связи с тем, что историко-литературное сибиреведение в постсоветское время пытается по-новому осмыслить региональную классику, кроме того, мало исследованная тема: писатели-сибиряки и русское зарубежье. Анализ этого многотомного романа позволяет поставить вопрос об изображении «сибирского характера» в широком эпическом полотне, о художественном уровне региональной литературы. Изучение творческой истории и места романа «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи позволит выявить развитие «областной идеи» вне региона, концепцию возрождения Сибири.

Цель работы: описание семитомного романа «Чураевы» как художественного целого, классического текста прозы Сибири.

Основные задачи исследования: изучить историю создания романа (от замысла к воплощению) с учетом эволюции взглядов писателя; определить место романа в истории русской литературы, его роль в формировании прозы Сибири; рассмотреть литературные связи этого романа с традициями XIX века и новациями XX века (русского зарубежья и ложногероическими эпопеями соцреализма); описать сюжет и ведущие мотивы романа.

Научная новизна. 1. Впервые семь томов романа «Чураевы» исследуются как целостное, художественно завершенное произведение. 2. Поставлен вопрос о генезисе романа и его жанровой природе. 3. Рассмотрены контекстуальные связи романа. 4. Введены в научный оборот документы, хранящиеся в архиве Г. Д. Гребенщикова, недавно перемещенном из США. 5. В связи с темой религиозно-философских исканий главного героя дана характеристика мировоззрения Гребенщикова, эволюция его взглядов и влияние ее на сюжетостроение романа.

Предметом исследования стала история создания и контекст романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы». Сложный жанровый сплав в этом произведении позволяет описать «сибирскую» (субэтническую) картину мира.

Материалом исследования являются семь изданных томов романа «Чураевы», отрывки к незавершенным томам, повести, рассказы и очерки Г. Гребенщикова, написанные в разные годы. Для интерпретации романа необходимо обращение к областным эпопеям П. Мельникова-Печерского, В. Шишкова, М. Шолохова, К. Седых,
Ф. Панферова, Е. Пермитина.

Методологической основой исследования являются научные концепции М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана. В соответствии с проблематикой работы основными методами мы будем считать теоретико-типологический и историко-генетический.

Историко-литературную базу диссертационного сочинения составляют работы исследователей сибирской литературы: М.К. Азадовского, Ю.С. Постнова, Н.Н. Яновского, Б.А. Чмыхало.

Теоретическое значение работы: исследована проблема литературного регионализма, уточняется понятие о региональной классике и ее месте в контексте национальной литературы; роман «Чураевы», одно из видных произведений русского зарубежья, исследуется методами компаративистики, на конкретном материале изучен диалог утопического и антиутопического сознания.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры общего литературоведения Томского государственного университета. Отдельные положения диссертационного исследования отражены в ряде статей, опубликованных в научных журналах и сборниках, а также использованы при подготовке сообщений на международной научно-практической конференции «Васильевские чтения» (Усть-Каменогорск, ВКГУ, 2002), международной научно-практической конференции «Взаимосвязи и взаимовлияние народов Восточного Казахстана в хозяйственной и культурной деятельности 18-21 вв.» (Усть-Каменогорск, ВКГУ, 2002), Всероссийской научной конференции «Сибирский текст в русской культуре» (Томск, ТГУ, 2002), научных семинарах «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX века» (Барнаул, АГУ, 2002 и 2004 гг.), международной научно-практической конференции «Научное наследие С. Аманжолова и проблемы гуманитарных наук XXI века» (Усть-Каменогорск, ВКГУ, 2003 г.).

Практическая значимость диссертационного исследования в возможности использования материала в курсе лекций по истории русской литературы. Результаты исследования могут быть также использованы в составлении учебных программ, спецкурсов и спецсеминаров по региональному литературоведению и культуре Сибири. ***Структура работы***. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, содержит 182 страницы текста. Список литературы включает 526 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснован выбор темы, охарактеризован материал, методика и структура работы, дан обзор критической литературы, посвященной творчеству Г.Д. Гребенщикова. До революции он был самым известным сибирским прозаиком, о нем с похвалой отзывались критики-сибиряки В. Анучин, В. Шишков, Г. Вяткин, И. Савченко, П. Казанский, Е. Ватман и др. Двухтомник «В просторах Сибири» вызвал ряд положительных откликов столичной критики: М. Королицкий, В. Бруснянин, М. Левидов, М. Литваков, Л. Клейнборт отметили «сибирский колорит» прозы Гребенщикова. Сдержанно, но в целом положительно, отозвалась в 20-е годы на собрание сочинений Гребенщикова эмигрантская критика: Г. Адамович, М. Слоним, Г. Струве, С. Карлицкий и др. Советский критик Д. Горбов в книге «У нас и за рубежом» (1928) назвал манеру автора «Чураевых» «суздальским романтизмом» и «пряничным национализмом». Очевидно, последующие тома романа «Чу-

раевы», после первого, советским критикам были недоступны, откликов на них нет, а далее в Советском Союзе о Гребенщикове забыли. В двухтомных «Очерках русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982) роман назван *шеститомным*. Новый этап изучения наследия Гребенщикова начался в самом конце XX века. В работах А. П. Казаркина и Т. Г. Черняевой[1] впервые семитомный роман интерпретируется как художественное целое.

В *первой главе* **- «Источники романа»** - рассматривается творческая история романа «Чураевы», над которым автор работал около 40 лет. За время работы писатель существенно изменил первоначальный замысел, так как роман тесно связан с широким культурно-историческим контекстом, который его объясняет.

Первый том романа («Братья») написан по впечатлениям экспедиций в районы Алтая, где проживали старообрядцы, «осколки Древней Руси», по определению автора. Старообрядчество как феномен патриархальной культуры со свойственным ему общинным устройством, уникальным бытом и нравственным кодексом веры Г.Д Гребенщиков активно изучал в первое десятилетие XX века. По совету Н.Г. Потанина и по заданию Русского географического общества в 1910 году он исследовал долину реки Убы и написал этнографический очерк «Река Уба и убинские люди».

В очерке изображен Александр Платонович Фирсов (1852-1934), «вождь старообрядчества» из Выдрихи, это один из основных прототипов старшего Чураева. Образ Фирса Чураева был сформирован и под влиянием личности Ивана Федотовича Егорова, одного «из наиболее твердых и предприимчивых раскольников» среди убинских старообрядцев, пославшего своего сына Нифантия на поиски истинной веры Христовой. Встреча автора романа с И.Ф. Егоровым повлияла не только на формирование образа Фирса Чураева, но определила и основную сюжетную линию всех томов романа – выполнение сыном духовного завещания отца: отыскать и защитить истинную веру.

Староверов, жизнь которых описана в первом томе романа, Г. Гребенщиков называет *каменщиками*, по сложившейся на Алтае традиции. «Каменщики» жили вдоль реки Бухтармы; в XVIII веке из-за религиозных преследований они бежали «в камень», в Бухтарминскую долину, окруженную горами и находившуюся в ту пору за пределами России.

В 1911 году Г.Д. Гребенщиков отправился в долину реки Бухтармы, главным итогом этой поездки стал очерк «Алтайская Русь». Как верно замечает Т.Г. Черняева, в этом очерке автор совершает путешествие не в пространстве, а во времени. Существенно меняется масштаб его размышлений и выводов. Если в «Реке Убе» Гребенщиков стремится к локализации изображения (Уба, убинские люди), то во втором очерке он делает широкое обобщение – «Русь», то есть русская старина, русская история. Таким образом, в сознании Гребенщикова начинает складываться национально-историческая концепция, позднее развернутая в романе «Чураевы».

Герои романа «Братья» Бухтарминскую долину считают обретенным Беловодьем. Легенда о Беловодье была хорошо известна старшим областникам. В 1886 году Н. Ядринцев опубликовал очерк «На обетованных землях. (Из путешествий по Алтаю)», где утверждал, что миф о Беловодье весьма распространен в Южной Сибири и «нет-нет да и начнется попытка отыскать заветное «Беловодье». В повести А.Е. Новоселова «Беловодье» Панфил каждое лето отправлялся на поиски этой страны-мечты, помня наказ отца: «Беловодье, оно от всех стран отличительно... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и злаков всяческих, и овощу...». Старообрядцы, описанные Гребенщиковым в романе «Чураевы», тоже заняты поисками, но не земли обетованной, а самой веры. Богоискательство – путь главного героя романа Василия Чураева.

Мысли о крупном художественном произведении, посвященном старообрядцам, появляются у Г. Гребенщикова после поездок на Алтай 1909 - 1911 годов, они высказаны в переписке с А.Н. Белослюдовым, П.А. Казанским и Г.Н. Потаниным. Замысел романа сложился в 1916 году. Об этом из действующей армии писатель сообщал в письме к Г.Н. Потанину. По замыслу автора, заканчивавшего первую часть романа на фронте, в лазарете, «Чураевы» должны были стать сибирской эпопей нового типа.

Первоначально Гребенщиков решил назвать роман «Василий Чураев». Однако уже в предисловии ко второму тому - «Спуск в долину» - он пишет о том, что название всего романа не «Василий Чураев», а «Чураевы», т.е. замысел становится шире: он видится не как история героя, а как судьба семьи, рода. В письме к В. Правдухину от 12 сентября 1924 года прозаик еще называл роман «Василий Чураев» и сообщал, что это начало семитомной эпопеи. Однако, публикуя в этом же году «Былину о Микуле Буяновиче», он приводит уже названия двенадцати томов эпопеи: 1. Спуск в долину, 2. Веления земли, 3. Трубный глас, 4. Сто племен с единым, 5. Ощетиненная Русь, 6. Океан багряный, 7. Лобзания Змия, 8. Пляска во пламени, 9. В рабстве у раба последнего, 10. Суд Божий, 11. Идите львами, 12. Построение храма. В предисловии ко второму тому (1925), всё произведение названо «эпопеей», и нет упоминания романа «Ощетиненная Русь».

В последнем романе, названном «Построение Храма», речь должна была идти о том, что общество пришло к единой вере и построению Храма объединенных вер. В середине 20-х годов Гребенщиков увлекся философско-этическим Учением Рериха, принимал активное участие во многих его культурных проектах. Н.К. и Е.И. Рерихи видели в нем «гонца» с Алтая, где у подножия Белухи должен быть построен реальный Храм объединенных вер. «Чураевы» виделись автору в эти годы как эпопея «поисков всеобъединяющего Бога». Написание последних томов «Чураевых», где должна быть окончательная сводка (как заявил Г.Д. Гребенщиков во вступительном слове к шестому тому, «Океан багряный») затягивалось и в конечном итоге оказалось неосуществленным, подобно тому, как у Н.В. Гоголя из его замысла (по образцу «Божественной комедии» Данте: ад – чистилище – рай) осуществленной оказалась только первая часть, близкая к жизненной правде. Одной из при-

[1] См.: Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002; Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. Барнаул, 2004.

чин того, что весь роман не был завершен, было «увлечение» темой войны. Она появилась уже в конце третьего тома («Веления земли»). Все последующие тома, с четвертого по шестой, о войне, а седьмой – о революции и начале Гражданской войны.

Работал автор над последними томами эпопеи достаточно интенсивно, он собрал столько материала, что ему хватило бы еще на несколько томов. В периодической печати эмиграции появлялись главы и отрывки из будущих томов «эпопеи». Одна из глав восьмого тома называлась «Накануне событий» и была посвящена роли Распутина в русской истории.

На нескольких письмах И.Г. Савченко рукой Гребенщикова написано: «К 9 тому эпопеи». В письме к нему Г.Д. Гребенщиков подтвердил, что 9-й том – последний том эпопеи, а И.Г. Савченко назвал «живым героем *ОКЕАНА БАГРЯНОГО*» и сообщил, что прообразом полковника Жаркова является его близкий друг, живший в Чураевке, полковник Шнарковский. Именно его рассказы послужили событийной канвой «Океана Багряного», потом автор послал их на проверку командирам армии Самсонова. Таким образом, переписка была одним из источников романа, творческой лабораторией писателя. В письмах прослеживается работа над каждым томом, по письмам современников, участников событий, написан жизненный сценарий «эпопеи». Поэтому работа над очередными томами не продвигалась так скоро, как хотелось бы их создателю. Обсуждение и корректировка очередных глав требовали времени.

Квинтэссенцию замысла очередного тома выражали эпиграфы, подобранные писателем. В первой главе помещена таблица, в которой сведены названия семи томов, годы их издания и эпиграфы. Из приведенной сводки видно, что явно преобладают эпиграфы из Библии и религиозной литературы, их – семь; цитат из классической литературы – три; высказываний великих людей – два. Следовательно, стержнем романа является мысль религиозная, богоискательство главного героя произведения.

К первому тому Гребенщиков предпослал эпиграф «И это пройдет…»**,** который, став универсальной формулой отношения автора ко времени и всем событийным перипетиям романа, повторен во всех томах. В названиях трех томов – стихии: земля, вода (океан), огонь (пламя), что говорит о философском характере замысла, о желании автора духовно упорядочить мир.

Во второй главе **– «Чураевы» как региональная эпопея -** мы ставим задачу определить жанровое своеобразие этого произведения, уточнить место романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в русской литературе первой половины XX века, рассмотреть его особенности в контексте т. н. областной эпопеи.

Первый раздел второй главы - *«О понятии «региональная эпопея». Жанровая полигенетичность романа «Чураевы».*

«Чураевы» стали воплощением проекта Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина о создании панорамного сибирского романа. Определяя жанровую доминанту романа «Чураевы», нужно учитывать конкретную соотнесенность этого произведения с Сибирью. Г.Д. Гребенщиков как последователь сибирских областников разделял их чаяния и попытки найти пути решения «местных проблем» или «сибирских вопросов»: экономическое положение Сибири, состояние просвещения на ее территории, тюрьма и ссылка, сибирская деревня и приисковый быт, переселенцы и инородцы. В творчестве Гребенщикова «сибирские вопросы» нашли отражение уже в самых ранних произведениях и стали жанрообразующим стержнем многотомного повествования.

По мнению Б.А. Чмыхало, «Чураевы» Гребенщикова – первый сибирский роман, продемонстрировавший зрелость сибирской прозы. Несомненно, это эпическое полотно знаменует определенный этап региональной литературы. А. П. Казаркин считает, что место этого романа, по художественному уровню, между этнографической дилогией П.И. Мельникова-Печерского и областной эпопей М.А. Шолохова: «Поднятая целина» и «Тихий Дон», рассматриваемые как диптих[2].

Переломная эпоха начала XX века требовала нового осмысления истории и давала толчок к развитию эпического романа. Определяя жанровую разновидность романа «Чураевы», можно отметить некоторые черты, сближающие его с классическим романом-эпопеей: масштабное видение мира, социально-психологический анализ, историзм, широкое во времени раскрытие человеческих отношений, способность воплотить всеобщий смысл в частной судьбе. М.М. Бахтин заметил, что эпос уже прошел все этапы своего развития и является мертвой формой в противоположность роману, который в XX веке является наиболее продуктивно развивающимся жанром: «роман должен стать для современного мира тем, чем эпопея являлась для древнего мира». М.М. Бахтин предсказал и огромное жанровое разнообразие романов XX века.

В первой половине XX века особенно интенсивно развивались такие жанры, как роман-хроника («роман-река») и роман-эпопея, традиции которых просматриваются в жанровой природе романа «Чураевы».

«Роман-река» – термин западного литературоведения, обозначающий серию романов, каждый из которых является самостоятельным произведением, но все его части связаны между собой общностью героев и сквозным сюжетом. Создавая многотомный роман, Г.Д. Гребенщиков настаивал на том, что каждая его часть – самостоятельное произведение.

Характерной особенностью романной формы «Чураевых» является значительное ослабление роли фабулы в отдельном произведении. Главным началом, организующим художественный мир романа, становится не событийный ряд, а его преломление в различных, обладающих самоценностью, точках зрения, диалогах, мо-

---

[2] См. Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания. Томск, 2003.

нологах, размышлениях, воспоминаниях, письмах. При такой организации художественной ткани произведения возрастает роль полилога и диалогическая соотнесенность эпизодов, когда само движение повествования происходит в системе интертекстуальных мотивов. Порой, как в русской «орнаментальной прозе», особую роль начинает играть лейтмотивное слово, обретающее самостоятельность по отношению к фабульному материалу и претендующее на то, чтобы стать ведущим началом организации текста. Все это говорит о влиянии новых тенденций в становлении жанра «Чураевых».

Г.Д. Гребенщиков сознательно опирался на художественные открытия и достижения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Новый тип художественного мышления сказался в тенденции к полифонии, влияние семейного романа Ф. М. Достоевского видно также в архетипической модели: три брата и незаконнорожденный четвертый. По М.М. Бахтину, полифонический роман предполагает новую художественную позицию автора по отношению к его героям: диалогическая позиция утверждает внутреннюю свободу героя, его непредопределяемость и неподвластность авторской оценке. Полифоническая установка требует и героя особого типа, не просто созидающего героя, а героя идеолога, высказывающего не только слово о себе самом и о своем ближайшем окружении, но и «слово о мире». Именно такого героя в лице Василия Чураева создал Гребенщиков. Это ищущий герой, много размышлявший и испытавший на своем пути. В наброске к 11 тому с рабочим названием «Мирный прорыв» Василий Чураев говорит, что он является проповедником: «Вся моя жизнь, во всех ее морозах и поджариваниях, была согрета моей глубочайшей любовью к Христу <...> И вот теперь, как перед лицом всечеловеческого суда, как в последнем слове подсудимого чувствую всю ответственность за все, что говорю». Размышления о вере, ее потере и обретении человеком, народом, а возможно и человечеством дают основание считать этот роман философским.

Таким образом, начатый в основном в областнических традициях, как своего рода художественная этнография, роман Гребенщикова имеет синтетическую жанровую природу. Произведение большого масштаба, каким является роман «Чураевы», содержит, как правило, несколько жанровых тенденций – в силу многогеройности, многопроблемности и сложных контекстуальных связей с национальной культурой и состоянием мира. Можно выделить следующие жанровые грани: семейный роман, этнографический (бытописательский), роман воспитания, философский. В жанре этого произведения есть черты романа-эпопеи и романа хроники. Западное литературоведение использует для характеристики произведений этого типа понятие-метафору «роман-река».

Второй раздел второй главы: *Старообрядчество в романах П.И. Мельникова-Печерского и Г.Д. Гребенщикова.*

Дилогию П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» и роман «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова разделяет более 50 лет, объединяет же писателей интерес к старообрядчеству как субэтносу русского народа. Мельников подходил к оценке роли «старообрядства» в русской истории с просветительских позиций. Он осознавал историческую ценность древних книг и рукописей, художественную уникальность старинных икон, но не принимал старообрядческой догматики. Свои взгляды на «раскол» он изложил в «Отчете о современном состоянии раскола» (1855 г.), где доказывал, что полулегальное положение старообрядчества способствует разжиганию интереса к нему. «Раскол», по его мнению, нужно было легализовать, а не подавлять.

Самое значительное художественное произведение П.И. Мельникова-Печерского, дилогия «В лесах» и «На горах», принадлежит к типу «областной эпопеи». Нужно отметить, что «верхняя» русская культура начала XIX века в значительной мере утратила связь с древнерусскими традициями. Художественный стиль, нравственные установки, стереотипы поведения, моду на костюмы и прически дворянам диктовала Европа. В стороне от этого влияния оказались приверженцы *древлеправославной* веры, сохранившие дух допетровской, старой Руси. В противостоянии Востока и Запада в середине XIX века старообрядчество явилось своеобразной охранной грамотой русской идеи. Творчество П. Мельникова-Печерского свидетельствует, что писателя интересовали не столько религиозные идеи, сколько эстетические аспекты старины и жизненный уклад, сохранивший русское начало. Г.Д. Гребенщиков, обращаясь к этой среде, тоже интересовался не столько внешними сторонами жизни староверов, сколько их духовным наследием. Создавая роман «Чураевы», он ставил главную цель – проверить, сохранится ли духовная основа *древлеправославной* веры под напором цивилизации и ее последствий: войн, революций, безверия.

Семейственность староверов всегда была опорой их жизнеустройства. По мнению Ю. М. Лотмана, именно поэтому в центре каждой части дилогии Мельникова-Печерского стоит один герой со своей семьей. В этом особенность построения романов, художественных хроник одной семьи. В романах Мельникова-Печерского мир старообрядцев устойчив и прочен, он противостоит внешнему миру, который олицетворяет правительство. Именно по правительственным указам «зорят» скиты. В романе Гребенщикова конфликт строится на разрешении внутренних противоречий, автор сочувствует героям, ищущим настоящую веру, систему ценностей, которая смогла бы стать условием стабилизации разрушающегося уклада Сибири.

В центре романов П. Мельникова – жизнь нескольких купеческих семей в переломный исторический момент, когда торговое сословие обрело в русском обществе реальную силу. Действие романа «Чураевы» происходит также в переломный для России момент, в канун первой мировой войны и революции.

Таким образом, в романах П.И. Мельникова-Печерского и Г.Д. Гребенщикова дается многосторонняя оценка старообрядчества. Сравнение этих произведений продуктивно как во временном аспекте, так и в жанровом, так как эти произведения относятся к лучшим образцам областной эпопеи в русской литературе.

Третий раздел второй главы: *Система характеров, сюжетика в романе Г.Д. Гребенщикова и областной эпопее советского времени.*

Попытка разобраться в сложных процессах, которые переживала многонациональная Сибирь в начале XX века, требовала от писателей неконъюнктурного подхода. Служение определенному социальному заказу, идеологические каноны соцреализма наложили отпечаток на произведения целого ряда талантливых писателей, работавших в России после революции и создававших образ новой сибирской деревни. «Даурия» и «Отчий край» К. Седых, романы
Е. Пермитина, К. Урманова, А. Иванова, С. Сартакова, Г. Маркова посвящены героизации революции и гражданской войны в Сибири.

Однако не все советские авторы послушно следовали новым идеологическим установкам. Так, В. Шишков в романе «Угрюм-река» довел повествование до начала революционных событий, не затрагивая тему «преобразования» сибирской деревни после революции.

Главный герой этого романа, Прохор Громов, совершает свой жизненный путь, утратив веру. Рабочие его ненавидели и справедливо упрекали, что он их с «земли сманил, от крестьянства отнял», но ничего не дал взамен, и живут они хуже собак. Символично, что у Прохора живет волк и постепенно становится двойником этого героя. Прохор, подобно волку, живет звериными инстинктами. Найдя золото и став золотопромышленником, он не просто поклонился золотому тельцу, как Алексей Лохматый, Прохор Громов стал «в этом деле заправским хищником крупного масштаба». Над ним единая власть: «он сам и золото». Прохор стремится исполнить все свои прихоти и желания, считая это обретением свободы, и не замечает, как превращается в раба своих страстей. В романе повторена фабульная схема «Дела Артамоновых» Горького (который оценил роман негативно).

В. Шишков видел причины деградации не только в социальных условиях, но и в человеческой природе. Прохора породил Петр Данилович, развратник и пьяница, Петра же Данилыча – дед Данило, разбойник. Яблоко, сук и яблоня – все от единого корня, из одной земли, уснащенной человеческой кровью. Никому из семьи Громовых не удалось прервать эту цепную реакцию зла. В романе «Угрюм-река» нет такого героя, который, подобно Василию Чураеву, искал бы веру, ошибаясь и падая, но всегда вновь возвышаясь через искреннее покаяние до подлинных высот духа.

Становлению нового мира посвящена донская эпопея М. Шолохова - дилогия «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Оба романа о казачестве, субэтносе, входящем в русский народ. Для казаков была очень характерна привязанность к родному хутору, семье, станице. Семья в романе «Тихий Дон» - основа народного бытия, и первый том строится, большей частью, как семейный роман. Для героев романа семейное устроение выше товарищества, влюбленности, деловых отношений, землячества. «Тихий Дон» повествует о времени в жизни России, принесшем огромные социальные и моральные потрясения. Рушился привычный уклад жизни, коверкались и ломались судьбы, обесценивалась человеческая жизнь. Это произведение о первой мировой войне и революции имело трудную издательскую судьбу, так как роман не был подогнан под идеологические требования тех лет. М. Шолохов характеризовал произведение как «роман-эпопею о всенародной трагедии». В этом он близок региональной эпопее «Чураевы». Г. Гребенщиков и М. Шолохов создали произведения, где пытались решить не проблему автономии Сибири и Дона, не стремились замкнуть трагедию сибиряков и донского казачества в локальной среде, они обращались к теме исторической судьбы Сибири и Дона. Трагедии переходного времени и ломка социального устройства приближали их к вопросу о судьбе России.

История казачьей семьи Улыбиных становится предметом внимания К. Седых в дилогии «Даурия» и «Отчий край». Герои этого романа без сожаления рвут с верой отцов и вековыми традициями. Бабушка Романа Улыбина – староверка, но никто в семье не поддерживает старообрядческих канонов. Ни одна деталь в убранстве их дома не соответствует старообрядческому быту, хотя внешне некоторые церковные праздники и соблюдаются. Великий пост воспринимается как семь недель беспросветной скуки для молодежи - без вечерок и посиделок до самой Пасхи. Бурятские ламы - бездельники, один другого жирнее и толще, раздражающие еще и тем, что разводят агитацию против большевиков. В романе К. Седых, зависящем от Шолохова, нет трагического героя, нет нравственных исканий, все персонажи руководствуются готовыми идеями.

Главный герой второй части дилогии, «Отчий край», – Ганька Улыбин, принявший мысль о том, что Бога нет. Во второй части дилогии Ганька превратился в убежденного коммуниста, продолжателя дел и идей революционера Василия Улыбина. Если у Патапа Чапурина и Фирса Чураева не было продолжателей, что усиливало драматизм этих произведений, то у Василия Улыбина их только в семье два: Роман и Ганька. Это еще раз подтверждает, что дилогия К. Седых является исполнением социального заказа, воплощением утопии. Характерен финал романа «Отчий край»: Ганька Улыбин поехал добиваться счастливой жизни для всех вековых горюнов и тружеников родного поселка. Но возможно ли обрести счастья без веры? В этом аспекте романы Г. Гребенщикова и К. Седых противоположны, герои первого ищут и обретают веру, герои второго отказываются от нее и в этом видят смысл человеческой жизни. Таким образом, авторы советских региональных эпопей, героизируя братоубийство, разрушали художественную традицию и создали своего рода антиэпопею, содержание которой (геноцид) противоположно классической эпопее, освещающей народную славу.

В *третьей главе* - **«Чураевы» как философский роман** - рассмотрена философия истории Г. Гребенщикова.

Первый раздел третьей главы*: Космо-эволюционные идеи в романе «Чураевы».*

В романе «Чураевы» развивается вариант русской идеи, в котором особая роль отводится Сибири. Г.Д. Гребенщиков был убежден, что именно в Сибири будут созданы условия для человеческой эволюции, опреде-

ленную роль в будущем сыграют все народы, ее населяющие. Русский народ, претендующий на звание более цивилизованного, должен нести большую историческую ответственность за судьбу региона.

Главный вопрос, который автор ставит в романе-реке «Чураевы», - вопрос о будущем России. Вопрос, за кем будущее государства, является в романе одним из самых важных. Автор констатирует, что новые революционные изменения лишь безжалостно уничтожают старое, но сами ничего прочного создать не могут. За представителями русского зарубежья, осколками русской нации, он также не признает права на большое будущее. В набросках к заключительным главам романа Гребенщиков показывает полемику Василия Чураева с советскими писателями, которым он говорит о Вере и Христе, хотя и дает себе отчет, как неприемлемы его речи для убежденных атеистов. По прошествии времени становится особенно очевидно, насколько был прав Гребенщиков, веря в русский народ, предвидя неизбежное возвращение России к вере.

Г.Д. Гребенщиков видел в этом суть русской идеи. По его мнению, только православие приведет народ к всеобщему спасению, обретению Града Небесного, «нового неба и новой земли». Главный вопрос русского космизма: способен ли человек творчески преобразить собственную природу, внешний мир и обрести счастье - является самым значительным для героев романа «Чураевы». Многие герои романа стремятся к активному преобразованию мира и видят в этом свое призвание.

Немаловажным основанием эволюции человека Гребенщиков считал потребность в созидании и творческом труде. Центральный герой романа строил свою судьбу, учитывая учение «общего дела» Н.Ф. Федорова, которое должно было открыть перед человеком невиданные возможности, призывало к познанию и преобразовательным дерзаниям.

На формирование основных философских идей романа повлияло и учение В.И. Вернадского о ноосфере. Взгляды В.И. Вернадского на самосовершенствовании человека в космическом масштабе разделял и известный авиаконструктор И.И. Сикорский, с которым Г.Д. Гребенщиков дружил. И.И. Сикорский написал ряд значительных статей и прочитал множество лекций в духе русского космизма. Одна из них называлась «Эволюция души».

Крупнейшее художественное произведение, в котором отразились эволюционные идеи, – роман «Чураевы». В концепции «бесконечного совершенствования и восхождения человеческого духа и разума» получают развитие мысли Н.Ф. Федорова о трудовом преображении мира[3] и С.Н. Булгакова, который утверждал, что «хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы».

Г. Гребенщиков, анализируя состояние современного ему социума, пришел к выводу, что общество утратило понимание закона «совершенствования духа человеческого как благой творящей энергии» и переживает глубокий духовный кризис. Выйти из кризиса и вернуть человечество к гармонии с миром поможет переосмысление роли и качества современного труда.

Наиболее последовательно взгляды Г.Д. Гребенщикова на человекотворческую функцию труда нашли художественное преломление в третьем томе романа - «Веление земли». В этом произведении Василий Чураев пытается искупить свои грехи (отречение от веры отцов и предательство брата), спустившись на равнину родной земли. В этот период своих исканий Василий ясно осознал, что не хочет заниматься наукой. Он решил быть «просто рабом Божиим Василием», преодолеть гордыню и тем самым искупить сотворенное им зло для ближних, особенно для судьбы брата Викула. Василий принял решение добровольно носить «железные вериги действия», так как только самым простым крестьянским трудом можно преодолеть его грех и безверие. При поддержке сильного духом Андрея Саватеевича Колобова он вступил в бой «против гнилого вялого безволия, которое держало Русь в нищете, в пьянстве и взаимной злобности».

Постепенно Василий отладил немудреное хозяйство на заимке, в повседневных заботах, житейских мелочах укрепилась его семья. Живя среди народа, Василий осознал, что крестьянский труд - «величайшее из величайший дел, которым держится мир многие тысячелетия».

Неожиданно и неотвратимо война «выбила людей из оглобель мирного труда». С третьего тома война стала определяющим фоном всех событий романа, но неизменным остался главный эпиграф эпопеи: «И это пройдет». Автор с позиций космизма расценивал войну как огненное очищение человечества от грехов, как испытание своих героев, своей Родины и верил, что «вечный мир давно знакомых гор все равно переживет все войны, все эпохи».

Второй раздел второй главы - *Г.Д.Гребенщиков и Н.К. Рерих: мотив гонца.*

Отношения Г.Д. Гребенщикова и Н.К. Рериха складывались не всегда просто, но в своих духовных исканиях они были близки. В письме к Г.Д. Гребенщикову Н.К. Рерих пишет: «Шли мы и в искусстве, и в жизни одним путем. Не раз отмечалось, что в искусстве от моего первого “Гонца” и до вестников самого последнего времени задание было едино. О той же правде, о том же несении добра народу мы можем мыслить и прилагать все наши неусыпные усилия на той же пашне…» Мотив гонца – сквозной в творчестве как Г. Гребенщикова, так и Н. Рериха. Он появляется в их самых первых произведениях, варьируется, углубляется, становится доминантным в наиболее значительных произведениях.

---

[3] О контексте этих идей см.: Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920 – 1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М., 2001.

Первого «гонца» Н.К. Рерих создал в 1897 году. Это была его дипломная работа в Академии художеств. Она называлась «Гонец. Восстал род на род». Прямо с выставки картину приобрел П.М. Третьяков. Молодой художник сделал фотографию с картины и во время визита в Ясную поляну показал Л.Н. Толстому, который оценил замысел «Гонца» со свойственной ему глубиной и простотой. Он сказал Рериху: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда Вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо всегда рулить выше – жизнь все снесет. Пусть Ваш гонец высоко руль держит, тогда доплывет!».

Это напутствие стало определяющим для духовных исканий Н.К.Рериха. Основная миссия его гонцов – поиск нравственных ценностей, их сбережение и передача молодым поколениям

Г.Д. Гребенщиков в очерке о Н.К. Рерихе писал: «Всякий раз невольно и по-новому изумляешься многообразию сюжетов художника. Всякий раз жаждешь до конца понять проникновенность и радостные сочетания красок. Но почти никогда нельзя представить тех границ, по ту сторону которых художник видит и воспроизводит свои образы и видения. И это всегда настраивает зрителя так, что через некоторое время картины Рериха начинают казаться окнами, раскрытыми в совершенно новый, непередаваемый словами, чудесный мир».

На последней картине Н.К. Рериха «Приказ учителя» (1947) среди расступившихся на горизонте Гималайских гор можно узнать владычицу Алтая – Белуху. На переднем плане картины человек и внезапно появившийся перед ним белый орел – символ вестника, гонца, зовущего в путь. Направление пути указывает серебряная река, ведущая к Белухе. Г.Д. Гребенщиков хорошо понимал, что Рерих создает картины-послания: «В его последних картинах Рерих кажется действительно возвышенным и очищенным Гонцом, возвращающимся из далеких странствий в родные Русские пределы».

Мотив гонца, ярко проявившийся в живописи Н.К. Рериха, звучит во многих его стихотворных сюитах. В стихотворении «Жемчуг» он пишет:

Опять вестник. Опять твой приказ! И дар от тебя!
Владыко, Ты прислал мне жемчужину Твою
и повелел включить ее в мое ожерелье.

В 20-е годы Гребенщиков считал, что в духовных исканиях Рерих оказался далеко впереди своего времени, «создав такую Державу, которую нельзя никакими человеческими силами разрушить». Так написал Гребенщиков в статье «Держава Света», уточняя высказывание Л. Андреева, определившего творческий мир Рериха как «державу».

Нести свет людям, жить с народом, из которого вышел, отдать ему дань своими знаниями, – этими народническими настроениями проникнута ранняя пьеса Гребенщикова «Сын народа» (1906). Главного героя пьесы можно считать первым гонцом Г.Д. Гребенщикова. Об этой пьесе говорил молодой писатель во время визита к Л.Н. Толстому, который посоветовал начинающему писателю: «Если Вы сам крестьянин и такой энергический (он именно так и сказал это слово), то крестьяне лучше Вас послушают, нежели городских писателей».

В своих произведениях Г.Д.Гребенщиков создает «скит» русской культуры, обращаясь к читателям в цикле корреспонденций «Письма к друзьям» (1912-1913). Становление начинающего писателя в этот период происходило под влиянием областнических идей Г.Н. Потанина, и эти послания - о Сибири, ее настоящем и будущем.

Большую роль в формировании религиозных воззрений и творческих замыслов Гребенщикова и Рериха сыграл интерес к прошлому, в котором оба выделяют образ Преподобного Сергия Радонежского. Рерих посвятил ряд полотен этому святому старцу, отмечая, что Сергий - странник и строитель светлого града, радетель за народ. Для Гребенщикова было очень важным указание Преподобного Сергия Радонежского, что будущее устройство жизни должно строиться на таких нравственных основах, как общинность и соборность.

Вопрос об эволюционной роли общины был определяющим в русском самосознании. Идеи общинности были созданы и апробированы в Чураевской общине, Харбинской Чураевке под началом А. Ачаира, Нью-Йоркской общине Рерихов, в «Приютинском братстве», возглавляемом Г.В. Вернадским. Приютинцы и Гребенщиков считали, что общины-братства сначала должны объединить деятелей науки и культуры, а затем постепенно распространить новые принципы жизни на весь народ. Созидатель по натуре, Г.Д. Гребенщиков активно поддерживал «Школу жизни», задуманную вместе с Н. Рерихом. Вместе с Рерихами Г.Д. Гребенщиков планировал издание книг, которые должны стать философским основанием «Школы жизни»: «Пути Благословения», «Чаша Востока», «Знамена Востока», «Гонец достигающий», «Перед ликом Гималаев» Н.К. Рериха, «Буддийские легенды» Ю.Н. Рериха, а также «Гонец. Письма с Помперага» и «Радонега» Г.Д. Гребенщикова.

Книга «Гонец. Письма с Помперага» вышла в свет в 1928 году, явившись итогом 3-летнего пребывания Г.Д. Гребенщикова в Америке. Книга составлена из писем о выборе жизненного пути к близким людям, единомышленникам, а иногда и оппонентам.

Гонец с Помперага – не просветитель, подобно главному герою пьесы «Сын народа», не глашатай областнических идей, как автор-повествователь цикла «Письма к друзьям»; у него другая миссия – ему «поручено навестить всех тех, кто жаждет потрудиться над строительством Грядущего». С этого времени гонцы Гребенщикова обладают мировосприятием космического масштаба. Космизм определил творческие установки писателя, работавшего над своим главным трудом, романом «Чураевы».

Василий Чураев, герой последних романов, наиболее последовательно выразил взгляды зрелого Гребенщикова, преодолевшего влияние философско-этического Учения Рериха. В эти годы Рерихи критически

оценивали православный уклон Гребенщикова. Мировоззрение Гребенщикова 40-50 годов наиболее близко религиозному космизму, что нашло выражение в его выступлениях на радио, статьях, в философско-публицистической книге «Радонега» и особенно в романе «Чураевы». В образе Василия Чураева Гребенщиков стремился создать не идеального героя, а показать пути к идеальному. Василий Чураев - герой, освобождающийся от недостатков и грехов. Это гонец, который указывал путь к свету, любви и спасению, опираясь на глубокие христианские традиции. Мотив вестничества в романе «Чураевы» переплетается с другими хронотипическим мотивами: встречи и потери, узнавания и неузнавания, ухода и возвращения. Пространство, «путь» или «дорога», в романе символизируют человеческую жизнь, когда герои выходят в дальний путь и возвращаются на родину, а на философском уровне уходят из действительного мира в идеальный. Концепция человеческой жизни как дороги, созданная в романе, способствует многоплановому отражению круговорота событий бурной эпохи.

В третьем разделе третьей главы - *Евразийский контекст романа «Чураевы»* - рассмотрено формирование евразийских идей в творчестве Гребенщикова и их воплощение в романе “Чураевы”. Евразийство как социально-культурное явление представляет систему взглядов части российской либеральной интеллигенции, оказавшейся после окончания гражданской войны в эмиграции. Основа ее концептуальных построений - идея о социокультурной особенности обширного пространства между Европой и Азией - Евразии, большую часть которой занимает Россия.

Программным сборником евразийцев является книга “Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев”, выпущенная в 1921 году молодыми эмигрантами из России: Петром Савицким, Петром Сувчинским, Николаем Трубецким, Георгием Флоровским. Они первыми назвали себя не европейцами, а евразийцами. Позже к ним присоединились Л.П. Карсавин, Н.Н. Алексеев, В.Н. Иванов, Г.В. Вернадский, П.М. Бицилли. Евразийцы пытались по-новому осмыслить историю России, ее настоящее и будущее в пространственно-цивилизационной системе координат «Европа–Азия». Основным положением евразийства является представление об особом историческом пути России в мировом сообществе.

Для Гребенщикова евразийство было не теорией, а самой сутью жизни, определяющей ее корни. Гребенщиков считал себя потомком хана-кочевника, и с темой инородцев вошел в сибирскую литературу. В 1906 году он написал две пьесы: «Сын народа» - о русской деревне и «Джаксы джигит» («Славный джигит») - о казахском ауле.

Важную роль в формировании Г.Д. Гребенщикова как писателя сыграли его публицистические работы и этнографические очерки. В 1910 году в томской газете «Сибирская жизнь» Гребенщиков опубликовал этнографический очерк «Сайляу», в котором описал киргизские выборы волостных управителей.

Лучшим произведением Гребенщикова «из жизни киргиз» является повесть «Ханство Батырбека» (1912). По мнению Ш.Р. Елеукенова, творчество Г.Д. Гребенщикова завершает «художественное исследование казахской дореволюционной действительности, начатое такими величинами, как Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, В.И. Даль, Т.Г. Шевченко, Д.М. Мамин-Сибиряк, М.М. Пришвин и др.»

Оказавшись после революции за границей, писатель по-прежнему поднимал проблемы инородцев, развивая сибирскую традицию вне Сибири. В 1922 году в берлинском издательстве «Мысль» вышел его рассказ «Степные вороны» о том, как символ новой жизни – “джол железнай”, железная дорога – скоро разрушит веками устоявшийся уклад, но и другого пути у Степи уже нет. Удастся ли степнякам сохранить веками сложившуюся систему ценностей, веру, – это главный вопрос для автора.

Ответ на этот сложный вопрос Гребенщиков дает в романе «Чураевы». Особенно важны в этом отношении второй том, «Спуск в долину», и пятый том – «Сто племен с единым».

Крайнее выражение противоречий Евразии – военные столкновения, расправы стали предметом художественных исследований Гребенщикова в начале 30-х годов. В пятом томе, «Сто племен с единым», рассказывается что, когда весть о призыве на войну докатилась до киргизов, они решили не покоряться, не идти на войну с неизвестным народом, а вместе со скотом откочевать в Монголию. За уходящими кочевниками отправили сотню казаков, которая настигла их и учинила жестокую расправу.

В XX веке Сибири было суждено пережить революцию, вторую мировую войну и, наконец, ощутить большую потребность любви и веры. Г.Д. Гребенщиков глубоко осознавал срединное положение Сибири между Западом и Востоком. Он жил в Европе, Америке и еще более убедился в евразийской сути сибирской культуры.

В ***заключении*** подводятся итоги работы и определяются перспективы исследования темы. В нашем анализе многотомного романа «Чураевы» мы исходили из понимания, что это наиболее значимое произведение сибирской прозы первой половины XX века неразрывно связано с социокультурными тенденциями эпохи и является отражением эволюции мировоззрения писателя от неонароднических настроений и областничества до космизма и евразийства. Г. Гребенщикову удалось воплотить в жизнь замысел областников о сибирском романе. Роман «Чураевы» всеобъемлюще отразил основные проблемы областничества, его можно считать узловым произведением сибирской прозы начала – середины XX века.

Глубина романа Г.Д. Гребенщикова вызвала встречную волну интереса, когда писателя заново открыли в конце XX века. Очень актуальным могло бы быть исследование темы искусства в творчестве Г. Гребенщикова, в котором можно обобщить взгляды писателя на музыку, живопись, театр и кино, опираясь на его многочис-

ленные статьи и рецензии, посвященные искусству; обратиться к ряду глав романа «Чураевы» о театре и музыке. Подробный анализ повести «Купава» может быть в центре такого исследования. Предметом отдельного рассмотрения может стать военная тема в творчестве Г.Д. Гребещикова и ее завершение в романе «Чураевы». Главное же в романе – сибирский характер, раздумья о прошлом и будущем Сибири, как части России, вес и важность которой неизменно возрастают.

Основные положения работы отражены в следующих ***публикациях***:

1.Царегородцева С.С., Фирсов А.Б. Грани судьбы Г.Д. Гребенщикова. Поиски и находки//«Региональный вестник Востока».- Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ, 2001, №2. – С.113-118.

2.Царегородцева С.С. Мотив гонца в творчестве Н.К. Рериха и Г.Д. Гребенщикова //«Дельфис».- Москва, 2001, №34.–С.22-26.

3.Царегородцева С.С. Евразийские мотивы в творчестве Г. Гребенщикова и П. Васильева//Васильевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции - Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ, 2002. – С.92-96.

4.Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы»: от замысла к воплощению//Сибирский текст в русской культуре.- Томск: Издательство «Сибирика», 2002. – С. 54-63.

5.Царегородцева С.С. К проблеме вождя старообрядчества прототипа Фирса Чураева в романе Г.Д. Гребенщикова «Братья» // Алтайский текст в русской культуре. – Барнаул: Издательство АГУ, 2002. – С. 57-63.

6. Царегородцева С.С., Селимгерей К.Х. Степные узоры в творчестве Г.Д. Гребенщикова//Научное наследие С.А. Аманжолова и проблемы гуманитарных наук XXI века. Материалы международной научно-практической конференции - Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ, 2003. – С.341-351.

7.Царегородцева С.С., Поминов П.Д., Дудина Л.Н.и др.«…Научись поверить в чудо жизни…»: Судьба и творчество Г.Д. Гребенщикова// Литература Восточного Казахстана. История и современность - Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ,2003.–С.9-25.

8. Царегородцева С.С. История обители на Убе // Простор.– Алматы, 2003. № 11. - С. 161-171.

9. Царегородцева С.С. Г.Д. Гребенщиков: грани судьбы и творчества. Учебное пособие. - Усть-Каменогорск: Издательство «Альянс-медиа», 2004. – 204 стр.

10.Царегородцева С.С. Старообрядчество в романах П.И. Мельникова-Печерского и Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. – Барнаул: Издательство АГУ, 2004. – С. 34-41.

Подписано в печать Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ